Зиновий ПРИГОДИЧ

ЛЕСНОЙ РОДНИК

1

Неожиданно она остановилась и, внимательно посмотрев мне в глаза, заговорщицки спросила:

— Хотите, я что-то вам покажу?

Мы свернули с дороги, перепрыгнули канаву, полную талой воды, и вошли в лес. Метров через двадцать деревья расступились, и под ногами показалась едва заметная лесная тропинка.

— А теперь — повернитесь!..

Я повернулся и посмотрел налево, куда она показывала рукой. По обе стороны тропинки в два ровных ряда стояли стройные молодые березки. На зеленом фоне сосен они были такие ослепительно-белоснежные, что я невольно прищурился.

— Нравится? — тихо спросила она и, не давая мне опомниться, поторопила: — Пойдем-пойдем...

На лице ее можно было ясно прочесть и внутреннюю взволнованность, и нетерпение. Я понял: она вела меня, чтобы показать нечто самое сокровенное.

Березовая аллея вывела нас на уютную лесную полянку, в центре которой струился ручей. Почти у самой воды лежал большой плоский камень.

— Присядем, — сказала она.

Я сел на камень и вопросительно посмотрел на девушку. Она приложила указательный палец к губам и таинственно прошептала:

— Слушайте...

Вокруг царила глубокая тишина. Но нет, постепенно до моего слуха начали доноситься разные звуки: звонкий

щебет какой-то птицы, глухой шум сосновых верхушек, мягкий шепот ручья... Лес жил! Лес рассказывал свою волшебную, вечную сказку.

— А родник вам нравится? — нарушила девушка мою задумчивость.

— Какой родник?

— Вот этот, — она указала на ручей, на то место, где виднелась небольшая заводь, затянутая ряской.

— Самый настоящий лесной родник.

И увидев мое недоумение, она сняла с рук черные тонкие перчатки и протянула мне свою теплую маленькую ладонь:

— Подержите, пожалуйста.

А другой, свободной рукой она осторожно развела в стороны собравшуюся на воде зеленую пленку ряски.

— Смотрите.

Я наклонился. На поверхности колыхались, удивительно изгибая стан, две березки. Где-то за ними, глубоко-глубоко, плыли белые облака. Сквозь чистую, словно кристальную, воду виднелось золотисто-песчаное дно.

— Здо-орово...

— Ага, — кивнула она. А попала я сюда совершенно случайно. Собирали с детьми гербарий... Я теперь почти каждый день здесь бываю. Ученики уже знают, если меня дома нет, здесь ищут.

Она помолчала, усмехнулась чему-то своему, сокровенному. Потом подошла к березке, ласково прильнула щекой к ее белой шероховатой коре.

— А если бы вы знали, — задумчиво сказала она, — как хорошо здесь утром. Ясным весенним утром... Освещенные солнцем, березки такие светлые и прозрачные, что, кажется, видишь, как медленной струей поднимается к верхушкам прохладный сок. И вокруг — первозданная чистота!

«Неужели это та самая девушка? — удивился я. — Как можно иной раз ошибаться в людях...»

2

В клубе уже было полным-полно молодежи. Ждали Степку-баяниста. За ним послали третьего гонца, но он все не появлялся. Танцы задерживались.

Парни толкались в углу возле бачка с водой и, слушая веселого деревенского балагура, отчаянно хохотали. Девушки, закутанные в платки, одетые в длинные старомодные платья, делились друг с дружкой новостями. Время от времени они нетерпеливо поглядывали на дверь. Баяниста все не было.

Чужой человек в деревне всегда является предметом особенно оживленных разговоров: кто он, откуда и зачем приехал? Ощущая на себе со всех сторон заинтересованные взгляды, я начал пробираться к двери с надписью «Библиотека». Дернул за ручку и с облегчением вздохнул: дверь была открыта.

За столом сидела молодая девушка. Когда я вошел, она отложила книгу и повернулась ко мне. Бросились в глаза ее невероятно пышная прическа и черное декольтированное платье. При электрическом освещении блестели длинные, похожие на ледяшки, клипсы.

Девушка заметила, что ее рассматривают. Мне стало неловко, и я торопливо сказал:

— Добрый вечер.

Она манерно повела плечами и окинула меня с головы до ног внимательным взглядом:

— Добрый вечер. Проходите.

Пододвинула мне стул. Сама подошла к окну, распахнула занавеску и, заглядывая в стекло, начала поправлять волосы. Белые на высоком каблуке туфельки не могли устоять на месте.

— Вы работаете здесь, в библиотеке? — спросил я.

М-м... — отрицательно покачала она головой и, выняв из губ длинную заколку, ловко спрятала ее в прическе.

— Заведуете клубом?

Девушка засмеялась:

— Нет, что вы... Я просто так.

— Кто же вы тогда?

— Разве это так интересно? — накрашенные веки взметнулись вверх.

— Конечно.

— В таком случае будем знакомы, — она подала мне руку в черной кружевной перчатке. — Людмила Александровна, учитель младших классов.

Девушка сделала реверанс. В хитроватых глазах — чертики. «Обычная городская модница, — подумалось мне. — Как она только попала сюда, в эту глухую полесскую деревню?»

В танцевальном зале вдруг зашумели.

Чей-то мужской голос обрадованно закричал:

— Ура, Степа-а! Сюда давай, сюда.

Учительница засияла, даже в ладоши захлопала.

— Наконец пришел! Ой, простите.

И заметалась по комнате. Вновь осмотрела себя со всех сторон в окне, расправила декольте, провела по губам ярко-вишневым карандашиком.

— Кажется, все, — притопнула она каблучком и спросила: — Вы идете на танцы?

Я покачал головой.

— К сожалению, не танцую.

Таким, видимо, и осталось бы в моей памяти это первое знакомство, оставившее не самое приятное впечатление о девушке, если бы не один случай...

3

Агитаторы собрались в том же зале, где вчера были танцы. Вынесли из кинозала десяток скамеек, не раздеваясь, расселись. Совещание обещало быть деловым и недолгим. Потому и запланировали его в обеденный перерыв.

Председатель местного колхоза Иван Павлович Чечура кратко рассказал о делах хозяйства, изложил задачи агитаторов на время посевной кампании. Несколько человек поделилось своим опытом. Агитаторов распределили по бригадам и составили план работы.

Уже под конец заведующий агитколлективом Григорий Барановский постучал по столу и хмуро сказал:

— У меня, товарищи, еще такой вопрос. Во второй бригаде крайне плохо выпускается боевой листок. Необходимо это дело поручить более надежному человеку. Подумайте кому.

Зал некоторое время молчал, а потом раздались голоса:

— Белявскую можно.

— Правильно, Александровну! Она справится.

— Как вы, товарищ Белявская, согласны?

— Я согласна, только... не знаю, справлюсь ли?

Голос за спиной показался мне на удивление знакомым. Где я его слышал? Я оглянулся. Это была она! Та самая расфуфыренная модница, с которой я вчера познакомился в библиотеке.

Рядом со мной сидела пожилая женщина с открытым и доброжелательным взглядом.

— Извините, — наклонился я к ней. — Вы Белявскую хорошо знаете?

Женщина усмехнулась:

— Как вам сказать... Она в нашей школе не работает. В соседней, Теснянской. Но так знаю. Хороший агитатор. Активная, в художественной самодеятельности участвует.

— В самодеятельности?

— Да еще как! — с гордостью подтвердила женщина. — И в драмкружке, и в хоре, и стихи декламирует.

— Вот я вам расскажу такой пример, — она наклонилась ко мне ближе и полушепотом заговорила. — Взялась она как-то за «Реквием» Рождественского. Многие сомневались: поймут ли? В деревне же, сами знаете, на концерты идут все: дети, старики, бабы неграмотные. И вдруг им — «Реквием». Белявская все же настояла на своем, читала. И если бы вы знали, как ее слушали! Муха не пролетела. Только слезы в глазах блестели. А бабы, так те вообще...

Мы не договорили. Совещание объявили закрытым.

На дворе стоял ясный весенний день. В чистой нежной голубизне неба роскошно купалось солнце. Кричали грачи. Где-то вблизи, на дереве, пел скворец. И мне вдруг нестерпимо захотелось познакомиться с этой девушкой ближе, поговорить с ней.

Я догнал Белявскую уже за деревней, на дороге, которая вела в Тесну. Она шла неторопливо, опустив голову. Резиновые сапожки мягко шлепали по весенним лужам. Девушка теперь была совсем другая — притихшая, задумчивая. Казалось, она к чему-то внимательно прислушивалась.

На мои шаги Белявская обернулась. На ее лице промелькнула тень удивления.

— Г-м, — кашлянул я. — Можно мне с вами? Нам по пути.

— Как хотите.

Мы пошли рядом.

4

— Что вы так на меня смотрите?

Она отошла от березки и снова наклонилась к роднику.

— Люда, — сказал я. — А как ты попала сюда, в эту деревню?

— Как? Очень просто. Поступала после школы в пединститут — не прошла по конкурсу. Одного балла не хватило. На сочинении потеряла. Самое обидное, что по содержанию оно было лучше, чем у остальных (это мне уже потом сказали, в приемной комиссии), а вот ошибок... И, главное, каких? Запятую не поставила перед «чтобы», двоеточие пропустила...

А виновата сама. Рядом со мной на экзамене сидела какая-то деревенская девушка. Ох, как она дрожала! Вы бы только видели. Под конец белая вся стала. Три каких-то несчастных листа проверяла раз десять. Водит пальцем, как слепая, по тетради, а у самой руки трясутся, трясутся. Не люблю я таких. Зло меня какое-то разобрало — невозможно. И вот, глупая, додумалась. Написала целую тетрадь и, не проверив, демонстративно закрыла ее, положила на край. Думаете, моя соседка что-то поняла? А-а...

Она махнула рукой и, помолчав, заговорила снова:

— Ну вот... А потом меня направили в школу пионервожатой. Сначала все шло хорошо. Меня поддерживали, хвалили. А потом со временем я увидела, что некоторые из учителей думают больше о деньгах, чем о детях. Живут обособленно, каждый сам по себе. Я так и сказала им на педсовете. После этого, конечно, работать там я больше не могла. Я перевелась в Тесну и очень довольна. В этом году буду поступать на заочное.

— А не скучно тут, Люда?

— Как когда. Бывает и скучно, и грустно. Тогда я иду в лес. Он все понимает, все чувствует и успокаивает меня лучше всех. Часами я могу бродить между сосен, берез, сидеть на этом камне, слушать родник. Тут так хорошо думается, чисто, легко мечтается. Иногда... иногда я беру кисть, чтобы передать все это на бумаге, но... как бы вам сказать? Красоту надо понимать сердцем, а когда я начинаю ее осмысливать, воспринимать разумом — у меня всякое желание рисовать пропадает... К тому же я еще очень беспомощна перед всем этим великолепием, которое сложно передать словами и красками...

Солнце уже перевалило за полдень, начало заметно увеличиваться и, как бы тяжелея, с каждой минутой неторопливо опускалось к верхушкам деревьев. На сырую землю ложились первые тени.

Люда зябко повела плечами, сказала:

— Пойдем... Меня уже давно ждут дома.

Она застегнула пальто, надела перчатки и пошла по аллейке, гордая, ярко-модная среди тихой и скромной красоты леса.

Отходя, я еще раз взглянул на ручей. Поверхность его была снова покрыта зеленью ряски. Родник прятал свое великолепие.

Перевод с белорусского Ирины ШЕЙБАК

СОЗВЕЗДИЕ КАССИОПЕИ

Учителю астрономии Антону Федоровичу давно уже перевалило за тридцать, а он все еще не был женат. И в ближайшей перспективе ничего иного не предвиделось. Девушки почему-то избегали его. Им было скучно с простоватым, нерешитель-

но-застенчивым учителем, с которыму, кроме его астрономии, не о чем было поговорить. И поэтому уже через вечер-другой девушка в открытую зевала и, придумав подходящую причину, от следующей встречи отказывалась.

В итоге осознав, что с любовью у него ничего не выйдет, Антон Федорович постепенно смирился с положением кавалера-неудачника и махнул на все рукой. Он целиком отдался школьным занятиям, которые всегда проводил творчески, оригинально, далеко выходя за рамки учебной программы. Именно за это ученики особенно любили его уроки и старались их не пропускать. Когда же Антон Федорович организовал кружок юных астрономов, то на занятия стали охотно приходить и ученики из других классов. Дружно кружковцы смастерили самодельный, но вполне приличный телескоп и по вечерам увлеченно путешествовали по космическому пространству, с любопытством изучая звездное небо.

Словом, Антон Федорович — личность неоднозначная и достаточно противоречивая. Во многих жизненных, бытовых вопросах он был непрактичным, трогательно беспомощным и чувствовал себя словно наивное, чистое дитя. Зато в школе он считался одним из самых авторитетных и талантливых педагогов. Дети, чувствуя его кротость и душевную доброту, буквально «липли» к нему, ходили за ним как хвостики. А он им все что-то рассказывает, отвечает на самые разные вопросы.

Коллеги часто удивлялись: откуда у него такие богатые знания?

— Так я ж десять лет в институте учился, — смеется в таком случае Кравец. Ну, не будет же он хвастаться, что выписывает уйму разных журналов и покупает множество научно-популярных книг. И каждую свободную минуту читает, читает, читает... Ведь ни семьи, ни домашнего хозяйства у него нет.

А что касается десяти лет, то это чистая правда. Сразу же после школы он поступил в Минский педагогический институт на физико-математический факультет. Такую специальность он выбрал не случайно. Математику он любил, она давалась ему легко (получал одни пятерки), а физика прельщала своими строгими законами.

Первые два года в институте он проучился с удовольствием, без всяких проблем. А на третьем курсе, видимо, оттого, что кроме лекций он еще вечерами напролет и даже в выходные дни не вылезал из библиотеки — «расширял свой кругозор», от такой умственно-психологической перегрузки заболел. Притом заболел серьезно, настолько тяжело, что врачи настойчиво рекомендовали ему взять академический отпуск, подлечиться.

Антон Федорович, тогда, понятно, еще просто Антон, вернулся в деревню и устроился на полставки в родную школу — как раз было свободно место учителя астрономии. И ему так понравилось учительствовать, что, когда пришла пора возвращаться в институт, он не поехал в Минск, а поступил на заочное отделение в Брестский педагогический. На первый курс. Потому что брать справку с прошлого места учебы не захотел, а по правде говоря, поленился — посчитал лучшим начать все заново. Тем более что многие предметы, изученные им ранее, не совпадали с новой программой.

Но и на заочном отделении Кравец «забуксовал». В деревне оказалось много заочников, и некоторые из них приходили к Антону Федоровичу на консультацию, за помощью: одному сделай контрольную по математике, дру-

гому реши задачу по физике, третьему еще что-нибудь. И он, по душевной доброте, никому не мог отказать. Свои же контрольные выполнять не успевал, хватался за них, когда уже было поздно. Ему ставили незачет, переносили сессии. В итоге вместо положенных шести лет Антон Федорович проучился почти восемь.

Ну вот такой он человек, Кравец, — простодушный, бесхарактерный. Неудивительно, что его дружки-одногодки с самого детства пользовались этим как хотели. Однажды, когда Антону не было еще и семи лет, мальчишки подговорили его залезть в огород соседки Юсты и нарвать шелковой травы. Если положить ее длинные и широковатые листья между большими пальцами и хорошенько подуть, то можно сыграть несложную мелодию или очень правдоподобно прокукарекать. Оттого популярность травы среди деревенских подростков была невероятно огромной. Да вот беда: росла она мало где, а у соседки Антона — аж целая грядка! Искушение невероятное! Но лезть в огород злой и крикливой Юсты побаивались даже самые отчаянные негодники.

Подговорили Антошку:

— Ты из нас — самый смелый, самый ловкий. Давай мы оторвем штакетину в заборе, а ты пролезешь и нарвешь?

Тот и полез, довольный, что его так похвалили. Но не успел сорвать и пару калив, как нагрянула (и откуда только взялась!) старая Юста. Поймала бедного Антошку, зажала его между ног и так отхлестала крапивою его худенькие половинки, что вечером у мальчика поднялась температура, а на следующий день его еще пришлось вести к местной шептухе, чтобы та сняла испуг.

А как-то случилась и такая история. У родителей Антона был неплохой, по деревенским меркам, садок — пять груш, несколько яблонь и пара слив-венгерок. Так те дружки, только уже постарше, что придумали? Организовали у Антошки «магазин»: будем, мол, покупать твои фрукты. За деньги! Порезали цветные обложки школьных тетрадей на прямоугольники, на каждом написали: «1 рубль». И предложили доверчивому Антону «выгодную торговлю»: два яблока — один рубль, три груши — два рубля. А сливы у расщедрившегося Антошки шли уже «в придачу». Бойкая торговля длилась целую неделю. А когда родители спохватились — было уже поздно: сад почти опустел.

Отдельно следует рассказать про конфуз Антона с его неудачными ухаживаниями. Где тут правда, а где выдумки местных сплетников — сказать сложно. Но, как известно, дыма без огня не бывает. Приглянулась якобы Антону Федоровичу заведующая сельской библиотекой Виолетта — девушка симпатичная, бойкая. Долго ходил он в библиотеку, перечитал чуть ли не половину книг, а все никак не мог осмелиться заговорить с Виолеттой. И вот однажды после танцев в деревенском клубе он решился провести ее домой.

— Буду благодарна, — легко согласилась девушка. — Только же нам не по пути.

— Ничего, волка ноги кормят, — пошутил Антон Федорович и, поняв, что сказал глупость, смутился.

Виолетта засмеялась, поддержала шутку:

— Но вы же не намереваетесь меня съесть?

Антон Федорович смутился окончательно и не знал, что на это ответить. Выручила Виолетта: пока шли, она все время весело щебетала, рассказывая о своих читателях, о

новых книгах. А когда остановились у калитки, Антон Федорович, чтобы поддержать разговор, спросил:

— Твои родители уже запасли сено на зиму?

— А сколько нам того сена нужно. У нас же одна корова... — ответила со смешком в голосе Виолетта.

Помолчали. Антон Федорович мучительно думал, что бы еще такого умного сказать, и, не придумав ничего интересного, ляпнул:

— А у наших соседей корова что-то не то съела, так еле спасли...

— Ой, Антон Федорович, вы такой хозяйственный... — уже открыто засмеялась девушка и быстро попрощалась: — Доброй ночи!

А он шел домой и бранил себя последними словами: «Идиот! Плел лишь бы что! Какой стыд! Что она обо мне подумает? Нет, мне лучше не связываться с этими девчатами...»

Но порой судьба делает такие кульбиты, что только диву даешься. Кто бы мог подумать, что Антон Федорович, закоренелый холостяк, вдруг возьмет и женится ни с того ни с сего!

Хотя все произошло не так уж и неожиданно...

В сентябре в школе появилась новая учительница младших классов — Софья Ивановна. Молодая, улыбчивая, очень общительная девушка. Все в коллективе как-то сразу полюбили ее, и только Антон Федорович, имевший горький опыт, дичился новенькой. И как она ни пыталась заговорить с ним, он все отмалчивался.

А где-то под Новый год Кравец проводил очередные занятия в кружке юных астрономов и освободился, когда на улице уже как следует стемнело. Вышел на крыльцо и увидел стоявшую там в задумчивости Софью Ивановну.

— Что, боитесь идти? — с легкой иронией обратился к ней Антон Федорович.

— Боюсь, — честно призналась та.

— Тогда пойдем вместе.

И они пошли. По дороге Софья Ивановна начала рассказывать о своих маленьких и таких любознательных воспитанниках:

— Они такие славные, такие забавные!

— А дети все хорошие, — согласился Антон Федорович. — Только их любить нужно.

— Известное дело. Без этого и в учителя нечего идти...

Слово за слово — они разговорились. И впервые Кравец почувствовал, что ему с этой девушкой почему-то очень легко и просто. Настроение стало таким, что хотелось говорить что-то хорошее, романтичное.

— Софья Ивановна, обратите внимание, какое сегодня звездное небо, — вскинув голову, сказал Антон Федорович.

— А ведь и правда, — удивилась девушка, тоже взглянув на небо. — Какая красота! Словно кто-то рассыпал миллионы больших и маленьких бриллиантов...

— Кстати, этих бриллиантов не миллионы, а целые мириады. И каждый из них — гигантский раскаленный шар. И если внимательно присмотреться, то звезды рассыпаны не беспорядочно, а образуют определенные фигуры — созвездия. Их много,

больше восьмидесяти. Но не все видны. Некоторые можно рассмотреть только в телескоп. А вы, Софья Ивановна, какие знаете созвездия?

— Знаю, но не много… — засмеялась девушка. — Например, Большую и Малую Медведицу. Да вот разве что еще Млечный Путь. О, какой же он сегодня красивый!..

— Ага, в зимние вечера Млечный Путь особенно ярок. Кстати, в древности люди думали, что это молоко, пролитое богиней Герой. В других мифах его еще называют дорогой с горы Олимп, где живут боги, на землю.

— А что на самом деле?

— А на самом деле — это множество звезд, собранных в одну красивую, хорошо видимую полосу. Нам кажется, что она ровная и прямая. А в реальности Млечный Путь огромным колесом опоясывает нашу землю. В Северном полушарии он проходит через созвездия Орла, Лебедя, Тельца, Кассиопеи. В Южном полушарии — через созвездия Скорпиона, Стрельца… Мириады звезд, образующих Млечный Путь, составляют единую звездную систему — Галактику, в которую входят и наше Солнце, наша Земля…

Кравец говорил банальные, заученные фразы, которые множество раз повторял на уроках, занятиях в кружке, но молодая учительница слушала его с широко открытыми глазами — для нее все эти названия звезд, созвездий были открытием, звучали загадочно и невероятно романтично.

— О, как интересно! — с неподдельной увлеченностью сказала она. И попросила: — Расскажите, пожалуйста, что-нибудь еще.

Кравец прямо засиял от такой похвалы.

Было видно, что девушке в самом деле интересно его слушать. Это придало ему вдохновения, а в таких случаях неизвестно откуда появляется и необходимое красноречие.

— А вы не торопитесь домой? А то я ведь до утра могу рассказывать…

— А я готова слушать до утра.

— Тогда слушайте. Я упоминал созвездие Кассиопеи. Расскажу про него поподробнее. С ним связана очень красивая легенда. В древней Эфиопии когда-то правил грозный и могущественный царь Цефей. Женой этого царя была необычайно красивая царица Кассиопея. Ревнивые древнегреческие богини решили совершить против счастливой семейной пары страшное злодеяние. У царя и царицы была единственная дочь Андромеда. Красивая, умная, веселая.

Так что же придумали коварные богини? Они наслали на Эфиопию огромное, кровожадное морское чудовище, выползающее на берег и пожирающее всех, кто попадется на глаза. Оно топило корабли и разрушало поселения. От чудовища пробовали откупиться, но оно поставило ужасающее условие: каждый день ему должны были приковывать к скале живую девушку, которую чудовище, выползая из моря, съедало.

— Ой, ой, какой ужас! — воскликнула Софья Ивановна.

Кравец, довольный впечатлением от своего рассказа, сдержанно улыбнулся:

— Слушайте дальше. Спустя время в Эфиопии осталась всего одна девушка — Андромеда. Чтобы спасти страну от разрушения, царь и царица решили отдать свою единственную любимую дочь в жертву чудовищу. Приковали Андромеду к скале и оставили ее ждать

своей участи. А как раз в это время пролетал мимо на Пегасе, своем крылатом коне, Персей.

— А кто такой Персей? — затаив дыхание, спросила Софья Ивановна, уже полностью плененная рассказом Антона Федоровича.

— Это легендарный древнегреческий герой, совершивший необычный подвиг. Он проник на остров, где жили горгоны — страшные чудовища в женском обличии, у которых вместо волос кишели змеи. А взгляд у горгон был таким зловещим, что каждый, кто осмеливался посмотреть им в глаза, мгновенно превращался в камень.

— Ой, ой, — снова ужаснулась Софья Ивановна и инстинктивно ухватилась за руку Антона Федоровича.

Тот засмеялся:

— Ну что вы? Это же миф. Но слушайте дальше. Конец будет счастливым... Так вот Персей пролетал мимо как раз после того, как уничтожил кровожадных горгон. Увидев прикованную к скале девушку, вступил в бой с морским чудовищем и победил его. Расковав Андромеду, он привез ее во дворец Цефея. Обрадованные родители отдали свою дочь в жены ее спасителю. А на небе с той поры горит созвездие Андромеды, Персея и Кассиопеи.

— Ну, слава богу! — выдохнула с облегчением Софья Ивановна. — Хорошо, что все добром закончилось...

Кравец был счастлив... Еще никогда никто не слушал его с таким увлечением, таким неподдельным вниманием.

— А вы приходите к нам на кружок, мы вам покажем в телескоп все эти созвездия.

— А разве можно?

— Конечно, можно! Обязательно приходите!

С этого вечера Кравец и молодая учительница стали встречаться часто и все более охотно. А через полгода эти встречи закончились как раз тем, чем и должны были закончиться, — свадьбой. И теперь Антон Федорович убежден в том, что каждого человека ждет его единственная, его желанная половинка, нужно только иметь терпение и умение рассмотреть эту половинку.

Перевод с белорусского Дарьи ЩЕТКО